

Профессия —
режиссер

“Братья Гримм” — первый фильм Терри Гиллиама за семь лет. Снятая по сценарию Эрена Крюгера фантазмагория о знаменитых собирателях народных сказок с участием Мэтта Дэймона, Хита Леджера и Моники Белуччи вызвала полемику в прессе и собрала в премьерный уикэнд 15 миллионов долларов в прокате США.

— Что привлекло вас к истории братьев Гримм?

— Они ужасно напугали меня в детстве! (Смех). Я вырос на “Сказках братьев Гримм”, знаю эти истории чуть ли не наизусть и смотрю на мир как на страшную волшебную сказку. И не могу избавиться от этого колдовства!

— Вам не кажется, что ваши сказки могут напугать детей слишком сильно?

— Мы устраивали тест-просмотры в Лондоне, и потом я разговаривал с детьми, которым было лет девять-десять. И никто из них не сказал, что он испугался на сеансе. Ужасно, что родители прячут от детей страшные сказки. Несколько лет назад я разговаривал с женщиной, и она сказала мне, что никогда не позволит своим детям читать братьев Гримм, потому что ей до сих пор снятся кошмары из-за прочитанного в детстве. Но дети должны учиться существовать в страшном современном мире, и сказки — это их тренировка, их испытательный полигон. Они усваивают, что в мире существует много удивительного и пугающего, и им придется с этим жить.

— Вы не считаете, что до определенной степени снимали этот фильм “на продажу”?

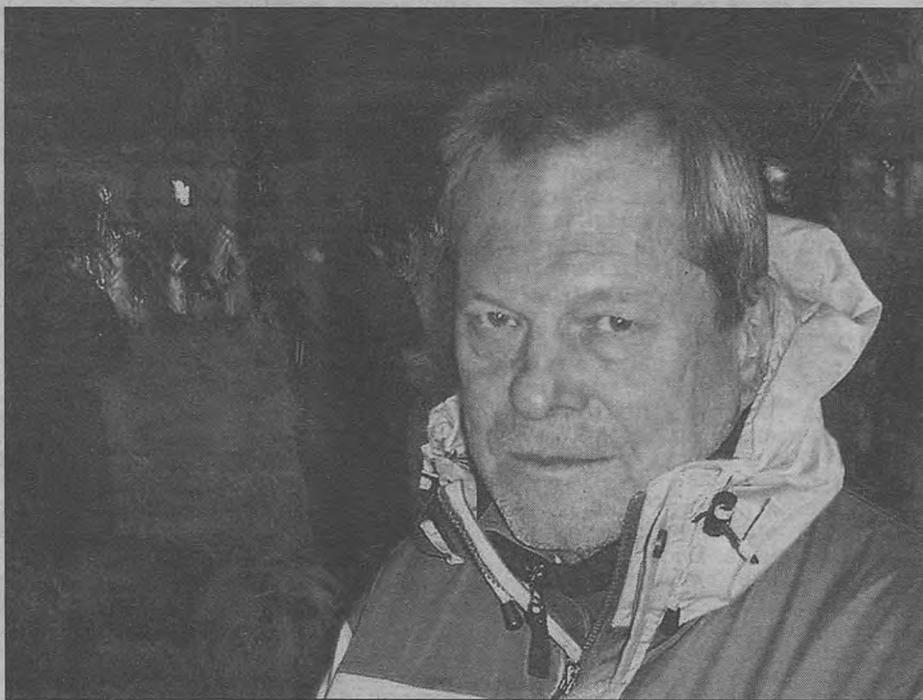
— Да. Потому что у главных героев фильма ослепительно белые зубы. Впервые в жизни я снимал фильм о событиях прошлых веков, где герои щеголяют с белыми зубами.

— Вам трудно примириться с тем, что в Голливуде необходимо продаваться?

— Когда я начинал работу над фильмом, то сказал себе: буду делать коммерческое кино — что бы это ни значило. А потом задумался — что такое коммерческое кино? Некоторые люди говорили мне: если ты будешь снимать этот фильм, он получится не коммерческим. И я вдруг почувствовал обиду: неужели они полагают, что я не в состоянии снять коммерческий фильм? А потом встретился с Мэттом Дэймоном, и он сказал мне: “Я не делю проекты на коммерческие и некоммерческие. А делаю только те фильмы, в которые верю”. И я решил, что мы просто будем следовать его рецепту. Я сделал кино, в которое верю. Остается надеяться, что он понравится большинству зрителей и заработает много денег. И, кстати, хочу отметить: все мои

Терри Гиллиам — ГОЛЛИВУДСКИЙ Дон Жуан

Сьюзен ХОУАРД

фильмы принесли прибыль, никто не остался внакладе.

— Насколько известно, “Страх и ненависть в Лас-Вегасе” отнюдь не стал хитом.

— Он не стал хитом, но полностью окупился. Мы сняли его на очень скромном бюджете и с самого начала знали, что фильм будет идти только в ограниченном числе кинотеатров. Рекламная кампания была отвратительная. Но зато “Страх и ненависть...” стал первым фильмом, который попал на полки универсамов Wal-Mart. Его выпустили в коллекции Criterion Collections, и он имел большой успех на DVD.

— Сильно ли ваш следующий фильм “Страна приливов” отличается от предыдущих?

— Это детский фантастический фильм. В нем снимаются Джефф Бриджес, Дженнифер Тилли и феноменально талантливая 9-летняя девочка в главной роли. Это фильм о том, что может случиться, если ребенок с хорошо развитым воображением попадет в трудную ситуацию. “Страна приливов” — фильм о несодоумности детей. Я устал выслушивать стоны о том, как хрупки и слабы наши дети. Это полная чепуха. Детишки — самые крутые и сильные существа на этой планете. Они способны выжить в любых обстоятельствах, приспособиться к любой жизни, а мы изображаем их жертвами в жестоком мире взрослых. Это, кстати, одна из причин, по которым я старался максимально приблизить дух фильма “Братья Гримм” к духу сказок братьев Гримм в их оригинальном, неадаптированном виде. Я помню, что в детстве меня очаро-

вывали их сказочные кошмары. А сегодня у всех сказок счастливые концы, потому что детей защищают от мрачных историй. И тогда они убегают на фильмы ужасов в качестве компенсации.

— Вы считаете, что Голливуд вычищает из сказок все, что люди могут счесть неpolitкорректным?

— И не только Голливуд. Начали сами братья Гримм. В первом издании сказок упоминается, что после встречи с принцем у Рапунцель платье перестало сходиться на талии, а во втором издании эта фраза стыдливо опущена.

— Вы начали карьеру в шоу-бизнесе в качестве аниматора. Что вы думаете о современных спецэффектах?

— Они мне нравятся. У меня собственная компания, и она делает спецэффекты на всех моих проектах. Раньше все мои спецэффекты были механическими. В “Братьях Гримм” мы начали с моделей, потому что мне хотелось, чтобы мой мир был очень осязаемым. Модели предметов связаны с реальным миром — когда ты выдергиваешь модель дерева из земли, за корнями тянется грязь, осыпается земля — это очень трудно сделать на компьютере. Но, к сожалению, то, что мы делали с моделями, получилось не очень убедительно, и нам пришлось все переделывать на компьютере. К концу работы я стал гораздо больше уважать компьютерные спецэффекты. Но при работе с ними нужно помнить маленькие хитрости — например, не стоит делать их слишком гладкими. Я сражался с гладкостью визуального ряда еще в те годы, когда занимался коллажной

анимацией — я требовал, чтобы деревья не были ровными и красивыми как на подбор, я хотел, чтобы волк, прыгнув, приземлился бы не безупречно, а слегка пошатнулся. И мои художники злились на меня, потому что им казалось, что они все делают идеально, а я прихожу и ломаю им кайф! (Смех).

— Вы видели бродвейский мюзикл “Спамалот” по мотивам ваших ранних фильмов?

— Мы делали эту постановку все вместе, в день премьеры все бывшие члены труппы “Монти Пайтон” даже вышли на сцену и пожелали актерам удачи.

— Много ли приятных воспоминаний навеяла эта премьера?

— Да, было очень приятно узнать, что все мы смогли выжить поодиночке, и теперь у каждого своя карьера и своя жизнь. По правде говоря, нас ошеломил успех постановки. Мы знали, что это хороший спектакль, но шоу-бизнес хуже испанской инквизиции — никогда не знаешь, какие пытки тебя ждут.

— Члены “Монти Пайтона” по-прежнему частично владеют правами на “Спамалот”?

— Да — нам принадлежит кусочек пирога, хотя не такой большой, как хотелось бы.

— Что будет со спектаклем дальше?

— В Лас Вегасе сейчас строят новый отель, он откроется в 2007 году, и в нем собираются показывать “Спамалот” каждый вечер.

— А как насчет киноверсии?

— Я слышал об этом, но мне кажется, это глупо. Почему люди не хотят придумывать ничего нового? По-

чему они цепляются за старые истории?

— Вы видите себя в ипостаси одного из братьев Гримм?

— О, конечно. Я вижу себя во всех героях, и считаю автобиографическими все свои фильмы. Я легко представляю себя на месте обоих братьев, потому что, с одной стороны, я очень прагматичный человек, и с возрастом становлюсь пессимистом, так что во мне много черт Уилла, а с другой стороны, я мечтатель, как Джейк.

— За вами также закрепилась репутация скандалиста.

— Журналисты почему-то очень любят писать о скандалах на моих съемочных площадках. Если верить им, то “Барон Мюнхгаузен” стал провалом. Сегодня все они любят “Бразилию”, но ругают все остальное, особенно “Мюнхгаузена”, и я не могу понять, почему. Помоему, это хороший фильм. Знаете, жена говорит, что я всю жизнь снимаю один и тот же фильм, только с разными актерами. Наверное, я всегда снимаю об одной и той же проблеме: как отделить реальность от фантазии, где кончается одно и начинается другое? Мне кажется, одинаково важно и то, и другое.

— Как вы думаете, вам удастся когда-нибудь снять ваш фильм о Дон Кихоте?

— Если нам удастся вытянуть сценарий из лап юристов, это будет моей следующей постановкой. Я очень хочу снять этот фильм. Сценарий замечательный. Как и в случае с “Братьями Гримм”, мы берем кусочек из Сервантеса, но не всю книгу. Это не экранизация “Дон Кихота”, а фильм “Человек, который убил Дон Кихота”. Работать с книгами трудно. Есть книга “Страх и ненависть в Лас-Вегасе”. Есть книга “Страна приливов”. По идее я должен быть верен этой книге, и эта необходимость меня бесит. Я начинаю работать над адаптацией, потому что мне понравилась книга, но в процессе работы начинаю ненавидеть книгу, потому что она стоит между мной и сценарием! Но в случае с Сервантесом мы включили Дон Кихота в совершенно другую историю. Я написал то, что, возможно, написал бы Сервантес, живи он в наши дни. Я старался быть верным его духу, но не букве сочинений.

— Вы собираетесь снимать тех же актеров?

— Да, кроме Жана Рошфора, потому что мы не знаем, хватит ли у него здоровья на такие изнурительные съемки. Очень жаль, но если нам удастся снова запустить проект, придется искать нового Дон Кихота.

— У вас есть любимая сказка?

— Наверное, “Новое платье короля” Ганса Христиана Андерсена. Удивительно точно подмечено, что ребенок — единственный, кто видит, что король голый. Только дитя может смотреть на мир без преубеждения. Большинство сказок я увидел в кино, в диснеевской интерпретации. Кажется, первым фильмом была “Белоснежка”. И “Пинокио”. Замечательный фильм.